

Литературная газета

№ 19 (510)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Пятница, 5 апреля 1935 г.

ПОВЫСИТЬ БДИТЕЛЬНОСТЬ

Социалистический строй победил в нашей стране окончательно и бесповоротно. Но остатки разбитого, разгромленного, но до конца еще не уничтоженного классового врага продолжают вести свою темную, подрывную работу. От выстrelа контреврополицейского троцкистско-зиновьевского отряда пал один из лучших людей страны, большевик-сталинец т. НИКОЛАЕВ. Охвостья врага пытаются использовать малейшее ослабление нашей бдительности, чтобы помешать победному ходу социалистического строительства.

«Революционная бдительность является тем самым качеством», — говорил т. СТАЛИН на началье 1933 г., которое особенно необходимо теперь большевикам».

«Вопрос о бдительности, пишет «Правда» в передовой от 25 марта этого года, — это и вопрос кампаний. Дело не в принятии резолюций, дело не в торжественных заверениях флагами. Оппортунисты, вельможи, люди разложившиеся, карьеристы, для которых интересы советского государства находятся где-то там, на третьестепенном месте, только они могут в этом жизненном для страны деле ограничиться заклинаниями. Люди, потерявшие большевистскую идентичность, свои партийные, советские лица, предполагают, что по мере роста сил Советского союза враг становится ручным и безобидным».

Классовый враг стремится проникнуть в и советскую художественную литературу. Формы проявления его враждебной деятельности многообразны. Он прокаскивает в своих произведениях замаскированной формы за страницами литературно-художественных журналов подполье, троцкистско-зиновьевские контрреволюционные идеи. Он клевещет в своих образах на нашу музыкальную и гравюру эпоху. Он раздувает наши ошибки, неподдали, недодели до фантастических размеров. Он пытается проникнуть в и писательские организации, используя в своих враждебных нам интересах высокое звание членов Союза советских писателей. Он пропаляет в литературных кружках, в массовых литературных движениях, внося в них разложение, буржуазно-кулацкую болезнь.

И всегда, как только внимательней присмотримся мы к этим явлениям и фактам, мы увидим, что они могли произойти только потому, что в редакциях журналов и издательствах отдельных работников утрачивали чувство ответственности, что у них пропадала классовая бдительность, что они предполагают, будто «перед ростом сил Советского союза враг становится ручным и безобидным». Это происходит потому, что эти профсоюзы не предпринимают ничего, чтобы оградить от классового врага кровные интересы партии и государства.

Вот в «Известиях» от 2 апреля этого года было опубликовано постановление Дальневосточного краинкома ВКП(б), в котором роман Д. Амурского «Гордость», опубликованный в журнале «На рубеже», оценивается как «контреврополицейское троцкистское произведение». Это произведение на страницах советской печати могло появиться только благодаря утере классовой бдительности редактором журнала «На рубеже» т. ШАЦКИМ и культистом краинкома, которые, несмотря на предупреждения и санкции, все же продолжали печатать этот клеветнический роман.

«Правда» в «Заметках читателя» писала о враждебном и клеветническом рассказе Сергеева-Ценского — «Поезд с югом», опубликованном в журнале «Октябрь». Только притягиванием классовой бдительности можно обесценить появление таких произведений на страницах советской печати. Повышение классовой бдительности — вот какими выводами должны сделать наши руководящие редакционные работники из этих фактов.

На первом всесоюзном съезде советских писателей А. М. Горький со всей серьезностьюставил вопрос о воспитательной работе с писательской молодежью, большевистском выражении литературной смены. Эти важнейшие задачи местных правлений союзов, видимо, еще не усвоены в полной мере. Только в результате полного невнимания к этой работе со стороны уральского правления Союза советских писателей могло случиться, что группа молодых писателей Урала, только что начавшая овладевать техникой литературного мастерства, превратилась в провинциальную боягу, безыдейную, хулиганствующую. И потому, что руководители организаций благословляли и утешали классовую бдительность, они не заметили, что этой группе комсомольцев и писателей коммунистов зреет контрреволюционное настроение. (См. «Литературную газету» от 24 января 1935 г.).

Полное отсутствие руководства группой молодых рабочих писателей «Фаэтон» со стороны ленинградского правления Союза советских писателей привело к тому, что в главе «Резца» оказался проходящий и мудрый, некто С. Сапир, долгое время выдавший себя как коммунист и комсомольца. Он вел разлагающую работу среди молодой и малоустойчивой части литературной группы. (См. «Литературную газету» от 15 марта 1935 г.). Только притягиванием классовой бдительности можно объяснить, что этот жулик оказался руководителем группы.

Мы должны развернуть широкую идеино-всплывающую работу в масах, мы должны занести в среду рабочих и колхозников пущине произведения мировой и советской литературы. Организации, руководящие массовой, культурно-политической работой, обязаны усилить классовую бдительность. Только большевистская партийность, неуклонный подъем ветеринского уровня писателя, критика, редактора помогут нам создать произведения, отражающие все величие и грандиозность эпохи, и тогда невозможны будут в нашей среде факты, подобные приведенным выше.

ДЕНЬ НАШЕИ СТРАНЫ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

У ПАМЯТНИКА

Рис. А. Радакова

ПОВЫСИТЬ БДИТЕЛЬНОСТЬ

Все события, описанные в январской книжке журнала «Наша достижения», имеют одну и ту же дату: 2 октября 1934 г. Редакция решила показать один день нашей страны, факты и события одного дня, воспользовавшись для этого в основном материалами «Правды» от 2 октября 1934 г. Темы газетных статей, корреспонденций, телеграмм и сообщения сотрудников журнала развернуты в очерки и рассказы о труде двух различных людей учреждения страны. Материалы получились захватывающими интересные, хотя замысел, как мы сказали бы, увидим, осуществляется не вполне и не во всем одинаково удачно.

Из-за этих «вольностей» некоторые действительно в день 2 октября 1934 г. происходившие события оказались неосвещенными, диапазон наблюдений журнала оказался суженным. В номере нет, например, Красной армии; среди выведенных в нем людей нет хозяйственников, ученых и многих других.

Но и то, что есть в номере «Наших достижений», очень богато жизнью и представляет цененный материал для наблюдений и выводов.

Наиболее волнующий материал, это — очерки о дне советского человека, дневники и записки советских людей. Добротный рассказ Е. Миндлина о «Селе, создавшем коллективную книгу „День капиталистического мира“». Позднее, т. же мыслы Алексея Максимовича вошли в план работы коллектива «За 20 лет» (Люди патетики). Осуществляемая сейчас эта коллектива первая часть его грандиозной работы должна дать картину жизни Советской страны за годы 1927—1935. Чертой главой этой книги будет «День мира» — в год, будто показано, что происходит в один определенный день в разных концах мира. Это будет, вернее, день двух миров, так как в главе будут конкретизированы факты из жизни капиталистических стран в СССР.

Такой контраст весьма существенен для данного замысла, и отсутствие его является, несомненно, слабой стороной работы, предложенной «Нашими достижениями». Последние могли, скажем, в двух-трех очерках дать день старой России и ее «знатных» людей. Это находилось бы вполне в пределах замысла редакции, не ставившей себе задачу захватить весь год.

«Ну, все дотадались про жандарма? — И я пишу на доске длинное и совсем уж не понятное слово:

— Арх-хан-дрит.

— Арх... Ахмидарит... Он...

Им смешно, и, конечно, и досадно на такое трудное слово.

— «Ахмидарит — это такой опасный, хищный зверь», — старательно выводят Коля Юдаев.

— Вот и неверно — шепчет записщица ему за плечо Нина Горянкова. «Архидарит — это такой крупный царь».

Не повесли и следующей в нашем списке вслед за «архидаритом» — «литургия».

Литургия — это такой книжок, ко-

торый имеет много литературных книг, — пишет Нина Кренова из 3-го класса.

«Литургия — эта та местность, где добываются полезные ископаемые» — решает Варя Присеншина.

«Литургия — это что-нибудь, когда лежат на аэропорту» — поспешил добавить Юдаев.

«Мощники — это по мнению Бориса Присеншина человек, который кому-нибудь машает».

Пусть попробует кто-нибудь в другой стране поклонить ее к зеркалу, посмотреть на свою цель. Этот смельчак сам испустит свой выдох. Лучше не смотреть... Миллионы безработных встанут из своих лачуг, из изоляторов, с парковых скамеек. Осклизнут ярема пушин и смертоносных орудий войны, вызываемых к жизни фашизмом. Жизнь без содержания, без надежды, без будущего...

У нас же 2 октябряский день похож на солнце живого дела, радости и бодрости. Они идут к нам отовсюду, в том числе и со страниц яицарской книжки «Наших достижений».

— «Благодаря существованию Советского Союза пролетариат старого мира ведет борьбу уже не за какую-нибудь абстрактную идею, а за практическую деятельность»...

Эти слова взяты нами из статьи датского пролетарского писателя Альфреда Некея, опубликованной в ее 20-летие 2-го октября, который дал нам уже такой разнообразный материал для характеристики международного возникновения социалистического строительства. А вот «литургия» на них

— Кому поставлен этот памятник?

— Первопечатнику Ивану Федорову.

— А за что?

— За то, что он печатал книги без оглавлений.

K столетию смерти Пушкина

КУРС НА ОТСРОЧКИ

Положение с академическим Пушкиным явно неблагополучно

Есть полная возможность закончить издание в срок

На один из русских поэтов и писателей не имеет о себе столь богатой в количественном отношении критической литературы, как Александр Сергеевич Пушкин. За столетие, прошедшее со дня гибели поэта, о нем написано колоссальное количество исследований, монографий, заметок и т. д. п. Пушкинисты не пропустили ни одной детали, так и имена связанные с именем «Пушкин». Их увлеченные мечтами дошли до смешного. В активе старого пушкинистов не было ничего не обясняющих, ничего не существующего, кроме как о Пушкине. Весьма интересно, что пушкинисты о Пушкине говорят о Пушкине.

По плану издание должно быть закончено в 1937 г. это значит, что 18 томов нужно выпустить в два года. Да, 18, ибо до сего времени, несмотря на ряд обязательств и заявлений, сделанных представителями редакционного совета и издательства Академии наук, ни один том включает в себя памятник пушкинского писателя.

По имеющимся у нас сведениям, в 1-й и 2-й томах, которые после многих отсрочек должны были выйти в конце 1934 г., лишь сравнительно недавно поступившие в производство. Но 7-му тому еще не закончена версия, а 1-му тому только что слышен в пабор, причем не полностью. В нем нехватает примечаний к стихотворениям Пушкина 15-го, 16-го и первой половины 17-го гг. т. е. по существу говоря, почти все комментарии.

Редакция многотиражной газеты Академии наук «За социалистическую науку» и степеня ИРИИ разослали членам редакционного комитета анкету, в которой были поставлены следующие вопросы:

1) Что мешает выполнению индивидуальных обязательств каждого редактора?

2) Как проходит работа редакторов над отдельными томами?

3) Что необходимо предпринять для того, чтобы издание было окончено в 1937 г.?

С этим же вопросом обратился сотрудник нашей газеты к Д. Д. Благородному, М. А. Цывловскому и др.

Полученные материалы свидетельствуют о явно неблагополучном положении с выпуском не только первых томов, но всего издания. Выяснилось, что на ряд вопросов «среди участников редакционного комитета нет только единой, но даже приблизительно общей точки зрения».

По вопросу о сроках выпуска издания члены редакционного комитета говорят на совершенно различных языках. Так, Б. В. Томашевский пишет:

«Срок окончания издания в 1937 г. считая совершенно нереальным и никакой ответственности за него не принимал. Считаю, что к 1937 г. не выйдет около 6 томов и вряд ли больше».

Примечательно то, что сам говорит Г. Винокур, Д. П. Янкович.

Иную позицию в этом вопросе занимает Ю. Г. Оксман и Д. Д. Благородный.

Ю. Г. Оксман, выходя вслед за В. Т. Янковским в мае 1935 г. Не думайте, что этот просроченный подогорелый в 1934 г. по 1 апреля 1935 г. М. А. Цывловский отредактировал более 400 печатных листов для Гослитиздата, «Академии» и др. издательств.

Как видите, работа «на сторону» порой принимает впечатляющие размеры и является серьезным препятствием в выпуске издания Пушкина.

Ведь Т. Янковский не исключение. Почти то же можно сказать и о других редакторах. Д. Д. Благородный выясняет, что это может быть связано с тем, что он, помимо работы над собранием сочинений Пушкина, занимается пятью рядом договоров с другими крупными пушкинистами. Прелюбопытнее Д. Д. Благородного должно быть то, что он не только

занимается пушкинистами, но и в этом

же самом году.

Мы ничуть не преувеличиваем, сказав,

что в значительной мере срыва работы со стороны редакторов — это результат их вины.

Однако мы не можем не отметить, что в последние годы в Академии наук ведется большая работа по изучению пушкинистов. Прелюбопытнее

всего то, что в Академии наук ведется

работа над пушкинистами.

Мы считаем, что в Академии наук

важно не только изучение пушкинистов, но и изучение пушкинистов.

Мы считаем, что в Академии наук

важно не только изучение пушкинистов, но и изучение пушкинистов.

Мы считаем, что в Академии наук

важно не только изучение пушкинистов, но и изучение пушкинистов.

Мы считаем, что в Академии наук

важно не только изучение пушкинистов, но и изучение пушкинистов.

Мы считаем, что в Академии наук

важно не только изучение пушкинистов, но и изучение пушкинистов.

НАЧАЛО ГОДА

Хорошее начало

Журнал «Знамя». Первые два номера за 1936 год. Название журнала ассоциируется с понятием о проливажении вперед, об авангардности. И журнал «Знамя» бесспорно идет в авангард всех других толстых журналов.

Он выходит отличается от них многообразием тематики, хотя и подчиненной основной одной ведущей идеей, высоким качеством, законченностью и отбором. Журнал делает руки энергичные и весьма разборчивые. Нет в нем уловистости, присущей некоторым наименованием журналистам, любви к прорастанию и тянги к бесконечности — «продолжение следует...». Если оно и следует то быстро.

«Повесть о Левине» Слонимского — начало литературного года журнала. Неплохое начало. Мы не можем пожаловаться на недостаток исторических романов, повестей, поэм и т. д. Они занимают весьма солидное место в нашей литературе, заметны даже явные признаки чрезмерного размножения их, нарушение некой пропорции. И тем не менее «Повесть о Левине» надо приветствовать. Помимо ее художественных достоинств, важности тематики, она говорит, что история («Повесть о Левине» вполне может быть названа исторической) — не только то, что покрывает пылью страницы, не только «Петр I», «Путчевцы», «Партизанская коммуна» и т. д., но и некоторые более близкие к нам события, еще не затронутые ни первым, ни вторым. Таков Базаровская советская реальная «Повесть о Левине» — яркий выдающийся в нашем литература. Слонимский выступает в роли следопыта, разведчика. Он как бы говорит нашим писателям: подумайте о советской Бендерской республике, о Любече и Луксембурге, о Кантонской коммуне, о Коломане Валлине и т. д. Это тоже история. И важная.

«...О стоят в синих полустерных штанах и полосатах тиреобразных рубашек, в которых, с острыми желтоватыми носками. Он бледен, худ, но с большим животом. Ни виду его.

Мы узнаем, его уже с первых страниц, это «маленький человек» из романа Ганса Флайнда. Это Пинкнер. В новом романе «Тот, кто однажды хлебнулся из жесткой миски» он называется Кубальт. Но это неважно. В предыдущем романе он был на свободе, теперь он отбывает пятнадцать лет заключение. Уже почти отбыл его. Надо выходить «на волю». В Уложении с наказаниями сказано:

«Особенно надо стремиться к воспитанию наказываемого в том смысле, чтобы он был в состоянии, по выходе из тюрьмы, вести правильную, не ведущую в разрыв с законами жизни».

Но по выходе из тюрьмы Кубальта ждет армия в пять миллионов безработных. Никакой надежды на работу.

«Следовало бы, собственно, просить, господин директор, чтобы нас оставили здесь», — говорит Кубальт.

В этом — ключ к новому роману Флайнда, заключенная часть которого помешана в № 1 журнала. Собственно, где грани между тюрьмой и свободой? И вполне естественным кажется, что все освобожденные из тюрьмы возвращаются в нее обратно. И не только жуткая система тиреобразного «воспитания» — она ярко показана в романе, — но и жуткие условия в тюрьме. Вот почему многие освобожденные с таким страхом говорят не о тюрьме, а о воле. Последний ро-

ман из трилогии Флайнда как бы замыкает круг. Часть из романа выхвачена удало, хотя не следует из немецких фамилий — Петроу, Стрелу делать русские — Петров, Стrelов.

Роман «Краснознаменцы» Ксении Аракелиан (напечатаная первая часть) подкупает свежестью, динамичностью, читается с большим интересом. Образы командиров, бойцов, политработников даны ярко, в различных аспектах: быт, учеба, работа, личные взаимоотношения начальников и подчиненных, отцов и детей, мужей и жен. Напряженная жизнь Красной армии, ее твердые идеальные устои, высокая интеллектуальность, все ее специфические особенности, делаются единичными в мире, показанными вышеупомянутыми, вызывают нашу гордость. Умное произведение. Но автор, талантливая писательница с ярким воображением и креативным художественным чувством, обнаруживает слабость в композиционном строении романа. В отдельности все динамично, в завязке же основных сюжетных узлов — неуместно. Стиль много детализирован, «подслушивания следуют...». Если оно и следует то быстро.

«Повесть о Левине» Слонимского — начало литературного года журнала. Неплохое начало. Мы не можем пожаловаться на недостаток исторических романов, повестей, поэм и т. д. Они занимают весьма солидное место в нашей литературе, заметны даже явные признаки чрезмерного размножения их, нарушение некой пропорции. И тем не менее «Повесть о Левине» надо приветствовать. Помимо ее художественных достоинств, важности тематики, она говорит, что история («Повесть о Левине» вполне может быть названа исторической) — не только то, что покрывает пылью страницы, не только «Петр I», «Путчевцы», «Партизанская коммуна» и т. д., но и некоторые более близкие к нам события, еще не затронутые ни первым, ни вторым. Таков Базаровская советская реальная «Повесть о Левине» — яркий выдающийся в нашем литература. Слонимский выступает в роли следопыта, разведчика. Он как бы говорит нашим писателям: подумайте о советской Бендерской республике, о Любече и Луксембурге, о Кантонской коммуне, о Коломане Валлине и т. д. Это тоже история. И важная.

Очень удачно, вслед за «Краснознаменцами» пущены «Дельт новобранца» Симонова «Университетского» (уже

известного) и «Большой солдат» Симонова.

Непонятно, зачем понадобилось начинать «Саар» Эрнеста Боргеса второй раз:

он, хотя и в несколько сокращенном виде, печатался в «Известиях» до саарского плебисита, когда была запрещена печать.

Не лучше ли бы дать статью о Сааре после плебисита?

В «Литературном дневнике» № 1 (содержание «Дневника» почти всегда привлекает внимание) поставлена на всю ширь проблема новеллы. Приведены стихограммы совещания, организованного в редакции журнала, высказывания писателей.

Вскрывающиеся писатели разбирают вопрос, посланный на Павлу Корчагину.

Специально возникает вопрос: откуда эта хватка у Павлы Корчагиной?

Их воспитала партия. Таких людей, как Павла Корчагина, воспитывали в сильнейшей партии.

Именно поэтому «Как заслуживает бессонора. Надо попытаться все высказывания, обобщить, развить, дать им ход, хотя бы в пыле широкой популяризации отдельных коротких новелл и т. д.

В двух номерах статьи: Сатина — «Платинадать лет Конной армии», Аксуса — «Эстетика Чернышевского», «Испанских письма».

«Знамя», в противоположность другим нашим журналам, не может помочь в этом.

«Знамя» — яркий представитель «списком благородных».

ПРАВДА О ПОЛЬШЕ

★★

ЛИЦО ДНЯ*

М. ЖИВОВ

Кажется, ни в одной капиталистической стране, если не считать германской Германии, не принятые такие драконовские меры, как в Польше, чтобы отгородить литературу от подлинной жизни, чтобы не допустить художественного отображения мрачной действительности. Жестокая цензура, высылки и аресты революционных писателей, закрытия и конфискация революционных журналов... все это шло в ход. Но если государственный аппарат бессилен остановить рост революционного движения в стране, то столь же бессилен он и остановить рост литературы художественной правды, литературы, откалиброванной фальсифицировать действительность в угоду хозяевам положения.

Об особенно урожен в этом отношении последний год. На фоне общего упадка польской художественной литературы выделился ряд произведений высокой художественной ценности и большой социальной значимости. И применительно, что произведения эти принадлежат перу будущих писателей, которые напали в себе силы критически отнести к действительности, правдиво и искренно отобразить ее («Солдаты Рудницкого», «Квасин», «Джевецкий», «День рекрут», «Униловский»).

В этих произведениях нашли яркое отображение и польская воинственная

центризма и ужасы безработицы, и обреченнность молодежи — все болезни капиталистической системы, обрекающей на вымирание миллионы трудающихся. Это — яркие и значительные произведения, с которыми следует ознакомить советского читателя. И в первую очередь этого года служит произведение Ванды Васильевской «Лицо дня».

Книга Ванды Васильевской — это роман в обычном понимании этого слова, автор правильно назвал «Лицо дня» романом-репортажем. Простым, доступным и понятным языком

Васильевская рассказывает о жизни рабочих окраин польского города, рисует отдельные эпизоды из жизни.

И если позднее в романе развертывается фабула, обединяющая героев и отдельные эпизоды, то все же главное не в ней, а в самих эпизодах, в обрисовке типов. Каждый раз говоря о каком-нибудь своем герое, автор подчеркивает, что речь идет не об одном человеке, а о многих, ему подобных.

Ребенок родился. Родители обсуждают, как назвать его. И автор заключает дискуссию:

«В конце концов, по существу, это совершенно безразлично. Важно, чтобы можно было отличить его. Чтобы знать, откуда он, из Польши.

Чтобы можно было помнить. Чтобы

быть счастливым, когда его видят.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

Чтобы можно было заботиться о нем.

Чтобы можно было любить его.

АЛЕКСАНДР ЧЕТВЕРТЫЙ

Первый удар бьет.
В Европе рабочий поет,
Тихо поет во мгле:
«Любовь моя горяча.
Есть стена на земле,
Стена эта из кирпича.
Иду я, о ней звени,
Словно висящая медь,
Вырви языы у меня —
Буду погреженному петь.
Я за нее в бои
Брошу тело свое,
Глаза уничтожь мои
Я увижу ее».

Второй удар бьет.
В Азии куки поют:
«Много у нас впереди
Неповторимых дней,
Руки мои открыты —
Я пронтих их к ней.
Я пронтих, и свеж
Дважды девятый год,
Ноги мои отрекли, —
Я соберусь в поход».

Третий удар бьет.
В Африке негр поет:
«Вижу над ней облака,
Вижу над нею месть,
Я там не был пока,
Но стена эта есть.
Вижу над ней туман,
Вижу под ней траву.
Брось меня в океан —
Я до нее доплыну».

Четвертый удар бьет.
В Америке грузчик поет:
«Над нею звезды горят,
Ее не пробует снаряд,
Чем бы от нее быть набит.
Стонт она уж века,
Не рушится и не дрожит.
С нашего материка
В ней товарищ лежит».

Пятый удар бьет.

В Австралии нищий поет:
«Она из меня далека,
Но вижу кирпич к кирпичу.
Брось меня в облака —
Я до нее долечу.

Я наподобие птицы

Перелечу

Все моря...»

ре
вер
ну

В гробыах

Три

Успокоих

Царя.

Шестой удар бьет.
Александр Первый встает
И смотрит он, сбитый с топки,
На город.
На ГРОМ травы.
Повесивши треуголку
На щеки головы,
Людской осмотрел поток
Времен осмотрел теченье,
И лег,

В носовой платок
Положив свое огорченье.
Седьмой удар бьет.
Александр Второй встает.
Шаги императора бойки,
Он — как кавалер на балу,
Но в это время на стройке
Прорубы взорвали скаку.
И в силу извествия фанта
По швам он вытынул руки
И лег,
Подозрительно как-то
Поддерживая брюки.

Восьмой удар бьет.
Александр Третий встает,
Встает он и ходит сурово
И в такт невеселой походке
Зовет Николая Второго
И просит вина или водки.
Зовет он, том и не зная,
Что мы идем по миру
Тесному,
Что мы царя Николая
Послали к «царю небесному».

Девятый удар бьет.
Александр Четвертый встает.
Совсем по-другому встает,
И, уловив скрыну,
Он на работу идет

В ночную
Смену.

Когда-то от мира ходил
Голоден и устал,
Когда-то работ он был —
Теперь хозяином стал.

Костюм у него
Потертый,
Идет он,
Скакун не тяя,
Вобщее —

Александр Четвертый
А в частности — это я.
Иду, и кругом тишина.
Иду, сапогами стуча.

Рядом стоит стена,
Стена эта из кирпича,
И башня на ней,
И легли

На башне капли росы,
На башне полно земли,
Вызывают часы.

Десятый удар бьет.

Хозяин земли идет.

Иди, — его тереби.

Ветер просит, — иди.

Богатство есть у тебя

И больше того впереди.

Иди, — его время просит.

Иди, ты не хмур, и не стар,

И миру сразмах наносит

Одиннадцатый удар.

Идет он, и радости семя

В его прорастает груди,

И просит текущее время:

Иди, Александр, иди!

Иди без болезни и страха,

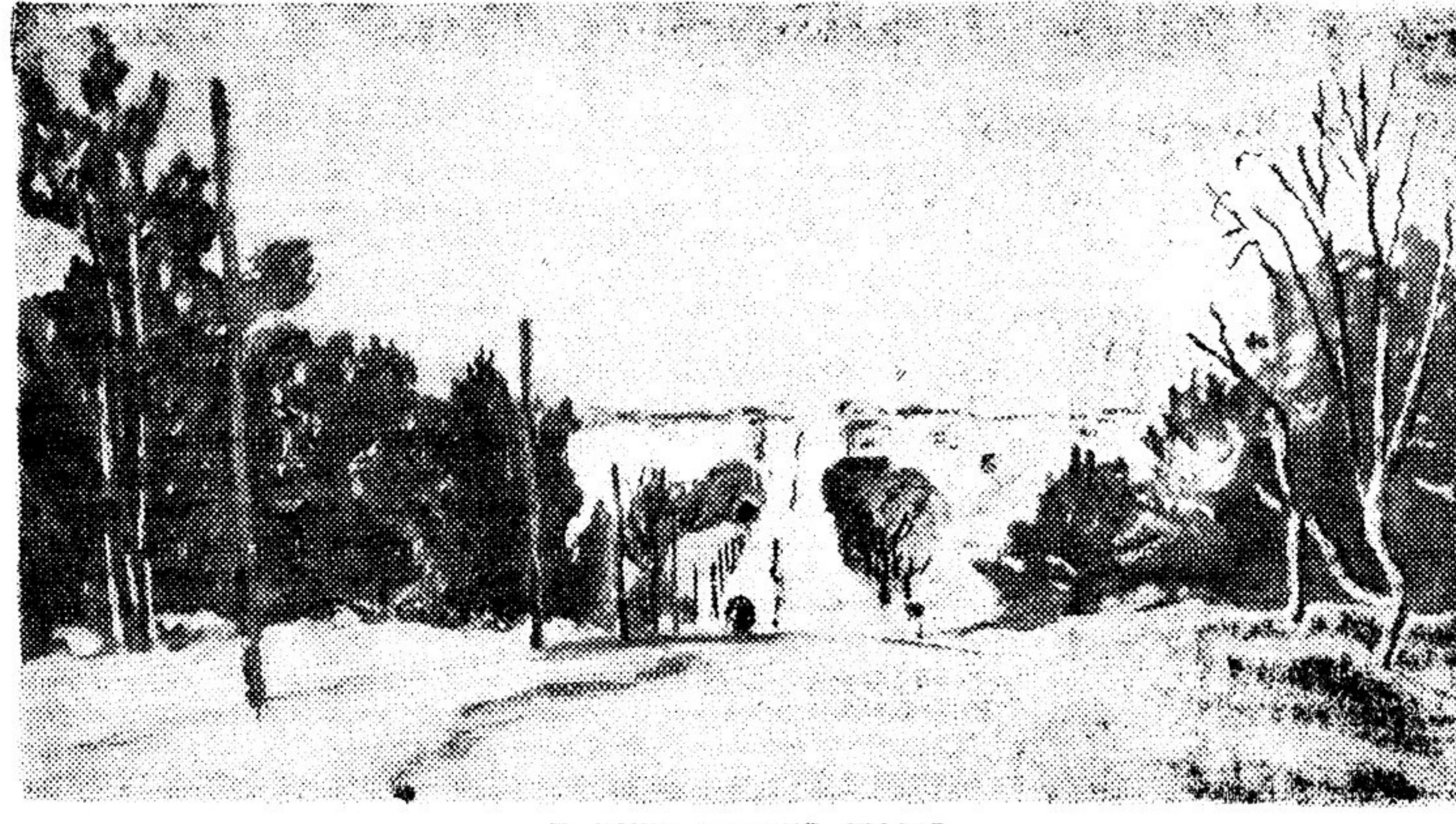
Иди через дым и угар.

И миру наносит сразмах

Двенадцатый

Страшный удар.

АЛЕКСАНДР ШЕВЦОВ

II. КОНЧАЛОВСКИЙ. ИССЛЕДОВАНИЯ.

ВЫСТАВКА СЕРОВА

8 апреля в Государственной Третьяковской галерее открывается выставка произведений одного из крупнейших мастеров русских художников В. А. Серова. Выставка приурочена к семидесятилетию со дня рождения художника (1865—1931).

Впервые творчество Серова будет показано с исчерпывающей полнотой. Выставка насчитывает около 550 картин, из них 200 живописных работ, оставшееся — рисунки, акварели, гуашь.

Произведения Серова собраны из всех музеев Союза, из многочисленных частных собраний. Музей Ленинграда, Киева, Новгорода, Ярославля, Олессы, Эрмитажа и других галерей присланы на выставку хранящиеся в них работы.

Так же показан сложный путь создания «Навигации».

Особенно сильно впечатление производят с искривляющей полнотой изображениями неизвестных мастеров. Среди них нужно отметить никогда не воспроизводившийся «Портрет Чеховской» 1887 г., раннюю работу художника, в которой, однако, уже выявлены индивидуальные черты Серова. Очень интересны также лигатура воспроизведенная портреты С. А. Толстой и Мамонтова.

Весь творческий путь художника раскрывается перед зрителем. Выставка начинается самыми ранними самостоятельными работами Серова, написанными под неподготовленным влиянием Ренессанса. Одна из них — «Мать», по отношению к модели — иллюстрация к тургеневским «Запискам охотника». Этот образ не разрушает, но даже подчеркивает крестьянскую картина «Опоздание» — оптимистическая импровизация на тему смерти.

Изображение

«Матери»

и «Опоздания»

и «Записок

охотника»

и «Опоздания»

и «Записок

охотника»

и «Записок

Эскиз скульптурной группы для строящегося здания театра им. В. Э. Мейерхольда работы А. М. Лавинского. В центре — фигура В. В. Маяковского.

К годовщине смерти Маяковского

ПЕРВЫЙ ТОМ

Гослитиздатом выпущен первый том полного собрания сочинений В. Б. Маяковского. В книге помещены стихи, поэмы и статьи 1912—17 гг.

Том открывается вступительной статьей Н. ПЛЫСКО. Редакция и комментарии сделаны В. ТРЕНИНЫМ и Н. ХАРДИЕВЫМ.

В книге впервые собраны статьи Маяковского о литературе, живописи и кино, напечатанные им в различных журналах и в газете «Новь», в которой Маяковский сотрудничал с середины ноября по конец декабря 1914 г.

В качестве приложения даны тезисы докладов Маяковского о поэзии и живописи, читанные поэтом в 1912—14 гг., два письма в редакцию газет и три футуристических манифеста.

Тираж книги 10.000 экз. Ц. 4 р. 75 к.

*

Секция литературы и искусства Дома печати организует 10 апреля вечер памяти Владимира Владимировича Маяковского.

О Маяковском—поэте, журналисте, газете скажет А. Безыменский.

В ПРЕЗИДИУМЕ ПРАВЛЕНИЯ ССП

31 марта на заседании президиума ССП была заслушана информация тт. Майзеля и А. Крайсмана о состоянии работы с молодыми работниками в Ленинграде.

Высказывалось в связи с этой информацией, что Маяковский и А. Шербаков отмечают недовольство творческой работой ленинградского Союза советских писателей с молодыми авторами. Особенно ярко выражалось это в истории с группой «Ревс». — До недавнего времени, — указывает т. Ставский, — никто не замечал тех недостатков, которые ставили провинциалов в эту группу, когда же всплыли эти были обнаружены, то вместо того, чтобы их обезвредить путем отсечения чужих элементов, ленинградский Союз не нашел ничего лучшего, как ликвидировать всю группу, в основном авторов и ценить.

Тов. Шербаков считает, что один из секретарей правления ленинградского ССП должен быть специально выделен для руководства молодыми авторами. Необходимо бороться за авторскую литературную среду, необходи-мо, чтобы молодые рабочие-пи- сатели получали определенные стимулы к творческой работе, к повышению чувства ответственности за то дело, в котором они участвуют.

В частности, таким стимулом может служить издание альманахов лучших произведений начинающих писателей.

Издание такого альманаха в 1935 г. предполагается планом Гослитиздата, но, в согласии, это известно только работникам самой писательской организации: литературный молодняк об этом не информирован в достаточной степени. Нужно обеспечить сборником самое широкое внимание со стороны Союза писателей, создать авторитетную рецензионную комиссию, привлечь этому делу интереснейшие санкции самых руководителей литературных кружков.

Вторым пунктом повестки заседания явился отчет журнала «Красная новь». С докладом о работе журнала в 1934 г. и о плане на 1935 г. выступил т. Ермилов.

Принято по отчету т. Ермилова разви-ваться в двух направлениях: по линии харacterистики самого журнала «Красная новь» и по линии постановки ряда вопросов общего характера, связанных с практикой работы всех этих газетных журналов.

Последним обсуждался вопрос о съезде в конце апреля или в начале мая сцено-производственного совещания. С краткой информацией по этому вопросу выступил т. Шербаков и Юнова (ГУКФ), подчеркнувши, что основной задачей совещания является вопрос о совершенствовании работы в кино, обсуждение проблем советской кинодраматургии. На совещании будут подвергнуты обстоятельному обсуждению сценарийный план ГУКФ на 1935 г. и плановые наметки на 1936 г.

Для проведения предварительной работы по подготовке совещания создано тройка в составе т. Шербакова, Юнова и Киршона.

Выступавшие в прениях отметили недостаточную самокритичность отчета т. Ермилова. — Журнал, — констатируют тт. А. Селивановский, В. Кирпотин, И. Беспалов и другие, — в 1934 г. несколько «слал», почувствовал. Но нем лежит печать явно выраженного литературного самотечка, организующего ряд самой реакции незаметно. Значительное большинство вещей 1934 г., вошедших в фонд советской литературы, прошло мимо «Красной нови». Бросается в глаза ослабление критического отдела после весны.

Книжная выставка

Издательское товарищество иностранных рабочих

Ф. Вольф — «Форпаксдорф». Штесса, на английском языке. Тир. 5.000. Ц. 2 р. 50 к.

Бела Иллеш — «Пожар в метро». На немецком языке. 54 стр. Тир. 2.000. Ц. 60 коп.

Ф. Вольф — «Профессор Мамлок». На английском языке. Ц. 2 р. Тир. 3.000.

А. Шарер — «Приключения поднапаска». Рассказ, на немецком языке. Стр. 89. Тир. 7.000. Ц. 1 р. 25 к.

Р. Брауне — «Молодые люди в городе». На немецком языке. Стр. 356. Тир. 6.000.

Ф. Гладков — «Энергия». На французском языке. Тир. 5.000. Ц. 9 р.

Бойинская — «Месть Кобуноури». На английском языке. Стр. 267. Тир. 6.000. Ц. 4 р. 50 к.

Л. Славин — «Наследник». Изд. 3-е. Стр. 213. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 50 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том I. «Саламб». Перевод П. Антокольского, Н. Тихонова, Б. Пастернака и др. Редакция В. Гольцева. Стр. 117. Тир. 5.000. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Славин — «Человек меняется». На английском языке. Стр. 372. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 50 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том II. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского, и. М. Эхтепольца. Стр. 372. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 50 к.

Г. Флобер — «Иллнада». Перевод Н. Минского. Редакция и вступительная статья П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

С. Чиковани — Стихи. Перевод П. Антокольского, Н. Тихонова, Б. Пастернака и др. Редакция В. Гольцева. Стр. 117. Тир. 5.000. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Славин — «Наследник». Изд. 3-е. Стр. 213. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 50 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том III. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского, и. М. Эхтепольца. Стр. 372. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 50 к.

Г. Флобер — «Иллнада». Перевод Н. Минского. Редакция и вступительная статья П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том IV. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том V. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том VI. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том VII. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том VIII. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том IX. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том X. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том XI. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том XII. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том XIII. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том XIV. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том XV. «Саламб». Перевод Н. Минского. Статья и комментарии П. Преображенского. Стр. 354. Тир. 10.000. Ц. 6 р. 25 к.

Бруно Ясенский — «Человек меняется». Роман. Часть I. II. Стр. 684. Тир. 50.000. Ц. 2 р. 65 к.

П. Ширьев — «Высокая земля». Пинга I. Стр. 250. Тир. 10.000. Ц. 3 р. 25 к.

Г. Флобер — «Собрание сочинений в 10 томах». Том XVI. «С